

**Научные доклады: «Философия в современном мире»
Т.И.Ойзерман «Философия философии»**

Гусейнов А.А. — Разрешите мне два слова сказать о Теодоре Ильиче Ойзермане, человеку, которого все мы, конечно, хорошо знаем. Но, тем не менее, мне кажется, будет правильно, если напомним несколько фактов, которые говорят об его исключительном положении в нашем философском сообществе. Теодор Ильич Ойзерман является, безо всякого преувеличения, персонификацией нашей философии за последние 60 лет, персонификации философии, взятой в единстве всех ее важнейших этапов. Он защитил свою кандидатскую диссертацию еще перед войной, в 41-м году, и был активной фигурой философской жизни в 40-е годы. И мы знаем, что его исследования по формированию марксистской философии и курс лекций, которые он читал на философском факультете, послужили своего рода лабораторией, в которой формировалась замечательная плеяда наших философов-шестидесятников. И Теодор Ильич Ойзерман дал толчок этому движению, и сам активно в него включился. Хочу упомянуть хотя бы такие очевидные факты. Теодор Ильич был научным руководителем Эвальда Васильевича Ильенкова, и он был первым оппонентом на кандидатской диссертации Александра Александровича Зиновьева. Эти две фигуры, которые стояли у истоков философов-шестидесятников, конечно, не только прошли школу Теодора Ильича, но и были в прямом смысле взлелеяны им, и он им открыл дорогу в философскую науку.

Замечательная инициатива, которая связана с именем Теодора Ильича Ойзермана, это, конечно, знаменитая книга «Философия ранних буржуазных революций». Теодор Ильич активно включился также в те изменения, в то обновление философии, которое происходит в последние пятнадцать лет. Скажу только то, что буквально в последние шесть лет из-под пера Теодора Ильича вышли такие капитальные монографии как «Философия как история философии», «Марксизм и утопизм», «Оправдание ревизионизма». И сейчас вышел, буквально недавно, сборник его статей и докладов, по моему, под названием «Проблемы».

Что еще я хотел бы сказать? Теодор Ильич, конечно, является для нас во многих отношениях вдохновляющим примером, и я хотел бы отметить такую вещь – это человек, который сделал свою карьеру, достиг высших ступеней в академическом движении, в академической карьере, оставаясь в рамках профессии, исключительно благодаря профессии, благодаря тому, что занимался философией, хорошо занимался ей, и не занимал никаких начальственных постов. Самые высокие посты, которые он занимал, это заведующий кафедрой и заведующий отделом. Сейчас даже мы, члены академии, в которой философская секция сейчас как будто хорошо выглядит, даже мы все являемся начальниками, хоть маленькими, да начальниками. А вот Теодор Ильич всю свою академическую деятельность осуществлял и доказывал свою научную состоятельность, общественные признания своих научных успехов, не занимая такого рода постов.

И, наконец, витальная сила и энергия Теодора Ильича тоже является для нас вдохновляющим примером. И мы, конечно, и в этом будем стараться следовать за ним, хотя, может быть, и не будем иметь таких успехов. И в этом плане будем от него отставать так же, как отстаем и в смысле каких-то наших академических достижений.

Таким образом, я предоставляю слово Теодору Ильичу, и мы в соответствии с устоявшейся традицией на обсуждение этого вопроса отводим один час. Пожалуйста, Теодор Ильич.

Ойзерман Т.И. — Я полагаю, что все вы согласитесь со мной, что вопрос «что такое философия?» представляется неискушенному в философии человеку элементарным вопросом, таким вопросом, который почерпнут из популярной брошюры

или из учебного пособия. И этот неискушенный в философии человек пожимает плечами, когда он видит, что такой известный в мире философ, как Хайдеггер, пишет книгу «Что такое философия?», когда Ортега-и-Гассет пишет книгу «Что такое философия?», когда такие постмодернисты, как Жиль Делез и Феликс Гваттари, пишут книгу «Что такое философия?», и я могу перечислить еще много и много авторов, которые известны как философы и известны как авторы книг на тему «что такое философия?». Значит, это проблема. Один из рано ушедших талантливых философов, Эрик Юдин, как-то сказал, что философия — это проблематизация известного, то есть она есть способ сделать известное проблемой. Еще Гегель говорил, что известное — это еще не значит, что познанное. И Декарт как-то замечал, что он никак не может доказать, чем отличается бодрствование от сна; то есть, факт вроде очевидный, но Декарту требовалось доказательство. И американский прагматист, Фердинанд Шиллер, по этому поводу высказал такой каламбур: если король спит двенадцать часов в сутки, а двенадцать часов бодрствует, а нищий бодрствует 12 часов в сутки, ну и, соответственно, спит остальные двенадцать часов, то разницы между ними нет никакой.

Итак, вопрос «что такое философия?» действительно является вопросом для философов, мучительным вопросом. Как говорил Фихте — вряд ли найдется и полдюжины таких, которые знали бы, что такое философия. Математик скажет: то, чем я занимаюсь как специалист, это и есть математика. Философ тоже скажет — то, чем я занимаюсь как специалист, это и есть философия. Хотя все философы, и даже не только философы, но просто люди, немножко знающие философию, легко отличают философские тексты от нефилософских, и всегда скажут, что философия зоологии Ламарка или философия ботаники Линнея — это все-таки не философия, хотя там есть какие-то мысли, достойные философа. Значит, философы, которые вроде ни в чем не согласны между собой, согласны все-таки в одном — в том, что философию от нефилософии всегда можно отличить.

Почему же философия стала проблемой? Джон Дьюи, который вообще, казалось бы, не занимался изучением философии как философии, тем не менее, в своей последней лекции сделал странное признание. В настоящее время, говорил он, самым важным вопросом философии является вопрос «что такое философия сама по себе, какова ее природа, каковы функции философских занятий?». Для мыслителя-прагматиста такая постановка вопроса вызывает некоторое удивление.

Дело в том, что Аристотель, скажем, дает свое определение философии, но это, в сущности, определение философии Аристотеля. Хайдеггер дает свое определение философии — и это определение философии Хайдеггера. И вообще-то не трудно, конечно, описать, охарактеризовать философию, скажем, Шеллинга, Сартра, того же Хайдеггера, взятого каждого сами по себе. Но в том-то и дело, а как же охарактеризовать философию вообще, учитывая, насколько она различается между этими мыслителями. Значит, надо отвлечься от всего того, что отличает Хайдеггера от Фомы Аквинского, или Джона Дьюи, скажем, от Жан-Поля Сартра. Но что тогда остается, когда мы отвлечемся от всего этого? Остается такое абстрактное понятие философии, которое никому ничего не дает.

Вот почему вопрос «что такое философия?» для философа оказывается вопросом о смысле не только философии, но если хотите, даже о смысле самой жизни. Собственно, так и определяет философию Хайдеггер.

Если касаться наших коллег, то они тоже, конечно, задумываются над тем, что такое философия. Уважаемый председатель Совета пишет в своей статье «назначение философии», что лучше сказать «назначение философии», чем «что такое философия». «Что такое философия» — вроде как-то претенциозно, как я понимаю. А так поскромнее — «назначение философии». «На кой черт она нужна», мягко говоря.

Академик Степин в своей, известной не только у нас, но и в англоязычных странах, работе «Теоретическое знание» определяет философию как самосознание культуры. Это

интересное определение. Но, конечно, встает вопрос о том, что культура очень многообразна. Некоторые исследователи насчитывают около двухсот определений культуры. Выходит, что столько же различных философий? А с другой стороны, есть же все-таки философия культуры как особая область. Конечно, если взять «энциклопедию философских наук» Гегеля, то это, несомненно, какое-то самосознание культуры. Но, с другой стороны, Ортега-и-Гассет говорит, что единственным предметом философии является универсум. Во всех смыслах этого слова, не просто как Вселенная, а духовный универсум жизни, который даже больше жизнь, чем Вселенная. Ну и, конечно, есть множество других определений. Если, скажем, взять неопозитивистов или Витгенштейна с его утверждением, что философия — это, так сказать, попытка прояснения разума, помраченного употреблением научных терминов. Это первый вариант. Второй вариант — освобождение разума, помраченного употреблением терминов обыденного сознания... тут самые разные определения философии.

Какой же вывод я бы сделал? Я его сформулировал в своей книге «Философия как история философии». В ней я пишу: «философия, в отличие от любой науки, каков бы ни был исторический уровень ее развития, существует как неопределенное множество философских учений, которые противостоят друг другу, отрицают друг друга, и вместе с тем дополняют друг друга. Таков модус эссенций философии, такой она была уже в первое столетие своего исторического бытия, такой она осталась и в наше время. И нет никаких оснований полагать, что когда-нибудь в будущем философия утратит свою многоликость, которая является ее особенностью, специфической формой познания. Было поэтому заблуждением полагать, что философский плюрализм существует только до тех пор, пока не создана такая система, которая решила вопросы, которые были бы решены. Он существует, потому что существует философия, и будет существовать до тех пор, пока существует философия».

И академик Гусейнов в своей статье «Назначение философии» говорит, что идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение. Я могу сказать, что сам к этому выводу пришел не так давно, лет десять тому назад, скажем. Лет двадцать тому назад в одном сборнике, вышедшем в Швейцарии, я писал о том, что плюрализм философских учений — это исторически преходящее явление. Вероятно, тогда я был убежден, что диалектический материализм как бы завершает историю философии. И как Гегель говорил, история имеет не только свое начало, но и конец. Я ошибался. Слава богу, что мне удалось исправить это свое заблуждение.

Что хорошего в том, что философия многолика? А именно то, что существуют разные философии. Спиноза говорил: может быть, моя философия не самая лучшая, но зато она истинная. Это была догматическая иллюзия Спинозы, как и догматические иллюзии любого философа, который строит свою систему. Эти иллюзии разрушаются другими системами. И тем самым обогащается, если угодно, океан философского мышления, тем самым возникают новые проблемы, новые эмпирии. Даже постмодернизм в лице Деррида или Лиотара, то есть людей, которые готовы все и вся отрицать, следуя примеру Ницше, отчасти Хайдеггера, по-своему обогащает понятие философии своим отрицанием. Ибо всякое квалифицированное отрицание философии есть тоже философия. Ведь всегда философия выступала не только как критика другой философии, но также как отрицание философии вообще. Помните, как у Фейербаха: моя философия — уже не философия. Но кому в голову приходило считать, что Фейербах не философ? Маркс и Энгельс тоже считали, что их философия — это не философия.

Значит, плюрализм философских учений — это реальное богатство философии. И чем больше плюрализируется философия, тем более увеличивается ее богатство. Будем же плюралистами. У меня все.

Гусейнов А.А. — Спасибо, Теодор Ильич. Есть ли вопросы? Нет? Теперь, кто хочет выразить отношение к сказанному или высказаться по предмету обсуждения?

Межуев В.М. — Конечно, надо признать, и никто не спорит, что нет одной философии на всех. Одной философии, какой-то гуманистической философии, не существует. И все-таки, останавливаться просто, Теодор Ильич, на плюрализме и считать, что в этом существует какое-то определение философии, мне кажется недостаточным. Потому что искусство тоже плюральное. Разве искусство существует не как многообразие жанров, видов, направлений, стилей? Я тогда не вижу такого принципиального отличия.

Я хотел бы вернуться к определению Степина, оно близко и моему. Очень коротко. Как бы мы не определяли философию, важно одно – философия есть часть культуры. Мы можем еще не договориться о том, как определять философию, но мы должны признать... тут со мной, конечно, сразу поспорят... что философия – часть не любой культуры. Я не верю в существование философии в любой культуре. Для меня философия – все-таки изобретение эллинов, это часть европейской культуры, наряду с какими-то другими вещами. И очень важно понять, почему Европа оказалась вынужденной осознавать, идентифицировать себя не просто через религию, как это характерно для всех до-европейских и неевропейских культур. Когда-то Россия тоже себя идентифицировала через православие, Китай – через конфуцианство, и так далее. Здесь же именно философия. Почему вдруг это оказалось столь необходимым? Почему европейцу — не любому, конечно, образованному — потребовалось идентифицировать себя не через обращение к богам, а через обращение к идеям? Мне кажется, в силу одной вещи – в силу того, что Европа открыла свободу. Поэтому философия есть не просто самосознание культуры, а философия есть самосознание человека, осознавшего себя свободным. Это есть самосознание свободного человека. И в этом смысле для меня философия помещается как бы на территории, расположенной между религией и между наукой. Ее может тянуть в ту сторону и в другую, поэтому есть научная философия и есть религиозная философия. Это в составе европейской культуры: выбросите какой-то один из этих элементов – и нет европейской культуры. Религия в европейской культуре, скажем так, отвечает за то, что человек должен быть добрым, моральным, наука отвечает за то, что он должен быть сильным, вооруженным технологией и знанием, а философия отвечает за то, чтобы он был свободным. Философия это взгляд на мир свободного человека. Это единственный институт, мне известный в сфере культуры, который охраняет человеческую свободу, как это Кант понимал в Споры о двух факультетах. И вот когда со свободой плохо, когда она куда-то уходит, вот тогда наступает кризис философского знания. На этом я закончу.

Гусейнов А.А. — Хорошо. Пожалуйста, Владислав Александрович.

Лекторский В.А. — Я скажу несколько слов, потому что тема-то такая – можно обсуждать часами. И мы обсуждаем эту проблематику, кстати, время от времени — в журнале недавно обсуждали, была представлена тема «Философия в современной культуре».

Доклад был очень интересный, и во многом я согласен с тем, что сказал Теодор Ильич, это все очень правильно и глубоко. Я только хочу сделать два или три мелких замечания.

Первое вот какое. Конечно, философия невозможна без истории философии. Ведь есть такая позиция, у Теодора Ильича, по-моему, нет, но она высказывалась, что философия — это и есть осмысление истории философии. С такой позицией я не согласен! Потому что, представьте себе, что если бы такой позиции придерживались все философы, то не было бы истории философии. Каждый философ пытался решать какие-то проблемы, создавал свою концепцию, из которых потом и возникла история философии. Такая позиция сама себя опровергает. Поэтому каждый философ пытается решать какие-то проблемы. Для меня философия — это решение определенного типа проблем.

Теперь, что это за проблемы? Это самое сложное, потому что на самом деле, и

Теодор Ильич это прекрасно показал, каждый философ по-своему понимает философию и формулирует новую проблему. Я считаю, что при всем том, что любая крупная философская концепция и проблемы формулирует несколько иначе, и способы решения берет, самое главное, свои, и в этом смысл обсуждения проблемы «что такое философия?», тем не менее, можно выделить несколько проблем, которые инвариантны для всей истории западной философии, как она началась, в самом деле, в античности.

Есть такие проблемы, которые парадоксальны по самой своей сути. Это не только проблема свободы, о которой сказал Вадим Михайлович. Это вообще все фундаментальные проблемы. Это проблема реальности, что такое реальность, что такое бытие, что такое субъекты «я». Это все парадоксальные вещи, парадоксальные проблемы, которые нельзя решить однозначно с помощью чисто научного подхода. И философы эти вещи производили, по-разному формулировали; каждый крупный философ не просто пытался ответить, что такое философия, он пытался решить эти проблемы по-своему, он создавал принципиально новое видение мира. Это первое.

Второе. Когда философы ставят вопрос «что такое философия», по существу, они обсуждают вопрос не только философии, и Теодор Ильич об этом сказал, а вопрос «что такое культура?», «что такое человек?». И каждый раз, поскольку сама культура меняется, и человек меняется, этот вопрос постоянно и всегда будет воспроизводиться. Это правда.

И третье — насчет плюрализма философских концепций. Конечно, это факт, и, возможно, так будет всегда. Но, понимаете, очень важно признавая этот факт, отдавать себе отчет в том, что каждый философ, который пытается решить проблемы и пытается обосновать свое решение проблемы, не может не исходить из того, что он предлагает самое верное решение проблемы, а остальные — вообще нет или не совсем. Что все правы, и все это было, и будет, и ничего лишнего нет, и мы крутимся в одном и том же барабане, как белка бегает — такая вещь не может быть установкой занятия философией. Поэтому — да, я признаю, что есть иная точка зрения, и, как каждый философ, с ней спорю, пытаюсь опровергнуть, что мое понимание лучше. И так будет всегда — каждый философ будет считать, что все правы, но я правее всех. Иначе он не будет философом. Это ведь очень важно! С этим связано еще одно — что для меня все-таки философия это не одно и то же, как некоторые считают. Есть такое понятие, что в науке решают одну проблему — к другой переходят, а в философии — бесконечно одно и то же обсуждают... По-видимости одно и то же, но каждый раз это одно и то же по-разному предстает, и для меня все-таки есть движение философской мысли, и современной философии, учитывая то, что было сделано, а может быть, и какие-то проблемы ставились точнее и лучше. Хотя, в конце концов, те же решения принципиально воспроизводятся, но каждый раз они воспроизводятся на каком-то новом уровне. Поэтому для меня слово «прогресс», может быть, слишком сильное, но какое-то движение философской мысли, по-моему, существует. Вот это очень важные, по-моему, вещи, которые не опровергают то, что сказал Теодор Ильич, а которые, может быть, могут быть как дополнение рассмотрены.

Философия в культуре вообще для меня философия. Как и для Теодора Ильича, как и для Вадима Михайловича, это важный способ критики культуры, способ культуры творчества. Это не просто рефлексия над культурой, это способ реинтерпретации культуры одновременно. И тут можно много таких вещей всяких рассказывать и обсуждать, но, наверное, сейчас для этого нет времени. Но вообще я хочу еще раз поблагодарить докладчика за то, что он сделал замечательный доклад и в самом деле показал, что есть такие проблемы, которые важны не только для философа, а по-моему, для всех, кто думает над судьбами культуры и человека, которые мы обсуждали и будем всегда обсуждать. Спасибо, Теодор Ильич, за Ваш замечательный доклад.

Гусейнов А.А. — Спасибо. Мариэтта Тиграновна! Прошу Вас.

Степанянц М.Т. — Я хотела бы поблагодарить Теодора Ильича и Ученый Совет за постановку этой проблемы, которая является проблемой не только для каждого из тех,

кто занимается философией, но я думаю, она особенно важна для тех, кто занимается незападными философскими традициями, потому что нам нужно для себя решить, обосновать, что все-таки философия в этих традициях и в этих культурах существует, поэтому очень важно ставить вопрос, что же такое философия и была ли она на Востоке.

Я никак не могу согласиться, конечно, с точкой зрения Вадима Межуева по поводу того, что только эллины были способны к философствованию. Если вспомнить этимологию — философия это любовь к мудрости, мне как-то это по-прежнему любо это определение — то мудрым человеком является человек, который способен лучше других ответить на проблемы, с которыми сталкиваются обычные люди и окружающие его люди, с экзистенциальными проблемами, проблемами жизни, проблемами смысла жизни, и с этим уже связано место человека в универсуме, что такое универсум, и так далее, и так далее. Поэтому я думаю, что отказываться от того, что заложено в самой этимологии слова «философия», не следует, это действительно любовь к мудрости.

Теперь насчет обращения к богам. Если говорят о том, что на Востоке не имели философии, а только религию, то я думаю, что восточные культуры, такие цивилизации, как индийская и китайская, вообще под это определение не подходят. Потому что в Китае, по-моему, богов вообще не было, там было только Небо, и то, в общем, не бог. Если говорить об Индии — там тоже не обращались к богам при решении экзистенциальных проблем. Другое дело, что там обращались к традиции, может быть, к традиции, которая связывалась с мудрыми людьми. Может быть, в этом смысле можно обвинять Восток в том, что он не был свободен. С другой стороны, Лекторский говорит о значимости истории философии. Но это тоже ведь традиция, которая передавалась. Так что будем осторожнее в таких категоричных заявлениях. Если говорить об определении, меня тоже не очень удовлетворяет, Теодор Ильич, такое определение, что главное в философии — плюральность. Плюральность по поводу чего? по поводу какого предмета? какого метода? Мне кажется, что речь в философии идет не о проблематизации известного, а о проблематизации неизвестного, того, что постоянно человек ищет, или еще это постоянная рефлексия, постоянный поиск ответов на проблемы экзистенциальные.

Гусейнов А.А. — Спасибо. Пожалуйста, профессор Соловьев.

Соловьев Э.Ю. — Тема, заявленная в докладе Теодора Ильича, «Философия философии» или «Философия самой философии» — это тема для мудрых. И из всех нас, мне кажется, только Теодор Ильич имеет полное право на такую тему для мудрых претендовать. Потому что она требует не просто больших познаний и, в общем-то, очень сложного и долгого жизненного опыта. И, пожалуй, его вывод, что пафос философии есть пафос плюральности, я рассматриваю не столько как доказанный тезис, сколько как очень прочувствованное, очень выстраданное утверждение.

Теодор Ильич начал с высказывания Эрика Юдина — «философия это проблематизация известного» — и поставил это высказывание в связь с высказыванием Гегеля: «не все известное является познанным». Так вот, сопрягая два эти высказывания, я скажу так: философия это проблематизация познанного. И основной эффект философии, на мой взгляд, это вообще уже не есть знание. Мы в последнее время, слава Богу, научились рассуждать в таком плане и спокойнее к этому относиться, и принимать то, что философия не есть наука. Но на мой взгляд, в очень строгом смысле слова, философия вообще не есть знание. По этой причине мне очень нравится совокупность рассуждений, которые Ясперс предъявил нам под титулом философской веры. Я думаю, что понятие философской веры более точное, более квалифицированное, чем выражение философского знания. Именно в этом плане я хочу откликнуться на выступление Вадима Михайловича, который, рассматривая философию в структуре культуры, помещая ее между наукой и религией. Слово «между» мне не очень нравится, но я согласен в том, что основное усилие философии — это постоянное отношение к этим двум областям культурным — к науке с одной стороны, и к религии с другой. И мне

кажется, что то, что пытается подчеркнуть Теодор Ильич в своем докладе, чрезвычайно важно в проблеме отношения философии к религии. Религия — это такой род веры, которая... употребляю такой термин... плюралистичной быть не может и которая обязательно стремится к монософизму. А вот по отношению к ней философия тогда и выступает как хранитель и носитель полисофичности именно в смысле, Вадим Михайлович, свободы. И вот эта тема, мне кажется, делается особенно напряженной в современном мире, где многоверие, поликонфессиональность является чрезвычайно остро ощутимой и, в общем, уже политической проблемой.

Дорогой Теодор Ильич, еще раз спасибо за то, что Вы дали мне возможность еще раз вас послушать.

Гусейнов А.А. — У меня большая просьба больше не заявлять выступлений, сейчас уже две есть заявки, иначе мы выйдем из графика. Сейчас профессор Федотова.

Федотова В.Г. — Дорогие друзья и коллеги, нам остается восхищаться плодovitостью Теодора Ильича, его способностью поднимать все новые сюжеты, и жизнью в философии, которой он живет.

Я хотела бы сказать, что мы с Марой Степанянц были на Всемирном форуме «Диалог культур», где выступал один физик, директор одного из институтов Макса Планка, ученик Гейзенберга, с совершенно потрясающей, на мой взгляд, речью. Он сказал о том, что он исходит из положения Рассела-Эйнштейна в их известном манифесте «стремиться научиться мыслить иначе». И он говорил о том, что тогда они боялись атомного оружия, они боялись войны, а сегодня он боится экологической катастрофы, он боится экономического сужения горизонта жизни. И все это он связывает с тем, что сложилась материалистически-механистическая картина мира, суть которой состоит в том, что реальность предстает как данная, что она дана. Про себя он говорит, что он занимается металлом, и что нет ничего более прочного и данного. Но когда он работает с металлом и видит его как данную реальность, то при этом, занимаясь трансформациями этого металла, он перестает понимать, что такое металл, что такое реальность металла. И мне кажется, он реагирует тут на ситуацию культурных изменений в том числе, потому что он реагирует на то, что мы должны научиться мыслить иначе потому, что реальность всякий раз оборачивается совершенно разными своими сторонами и свойствами. И вот сегодня ее быстрые изменения не дают нам ее схватить в качестве вещи. Когда-то наверное, люди радовались, получив ту материалистически-механистическую картину, и Адам Смит радовался, опираясь на Ньютона, и так далее. Но сегодня, я думаю, утверждая плюральность философии, Теодор Ильич учит нас, как научиться мыслить иначе, и всякий раз иначе, когда перед тобой встают новые задачи. Спасибо.

Гусейнов А.А. — Спасибо. Профессор Гирусов, пожалуйста

Гирусов Э.В. — Какой проблемой можно больше всего раззадорить философов? Вопросом, что такое философия. И, конечно, сама постановка вопроса, как она была дана в докладе Теодора Ильича, еще больше способствует этому желанию поспорить о философии. Но вы знаете, не только философы очень разный смысл вкладывают в слово «философия». Можно раззадорить — и опять-таки, очень сильно — и просто людей, не имеющих отношения к философии профессионально. Потому что, действительно, это вопрос вечный. Это вопрос, который не имеет окончательного решения. Потому что это вопрос о смысле бытия, о смысле всего существующего, или того, что будет существовать, и так далее. А смысл тот всегда имеет оттенок субъективности. Правда, возникает вопрос — а что же, наука вообще остается в стороне от проблемы смысла? Нет, она тоже решает эту проблему, но по-своему. Скажем, физический смысл, химический смысл, и так далее, то есть в гораздо более узком плане. И вот здесь, конечно, очень важно еще одну особенность философии не упустить из виду — то, что она ищет смысл на предельно общих основаниях. А что это означает? Это означает — поставить то или иное явление, которое мы осмысливаем, в связь — в связь

пространства, в связь времен, в связь вообще смыслов других явлений, и так далее. Вот в чем эта действительно великая миссия и значимость философии.

Очень красиво Вадим Михайлович сказал, что философия — осознание свободы. Но ведь осознание несвободы — это тоже философия. Так что я думаю, нельзя отказываться философии восточной, и философии южной, северной, и так далее. Все находятся в плену философии, в этом ее, опять-таки, — не бессмертие — неувыдаемость! Спасибо, Теодор Ильич.

Гусейнов А.А. — Спасибо. Разрешите мне тоже по ходу дискуссии буквально два слова тоже сказать. Основная мысль Теодора Ильича о плюральности как специфическом признаке философии... если бы у нее не было других подтверждений, то само обсуждение сегодня можно считать таким подтверждением. Вот как все высказались по вопросу о предмете философии! Мне кажется, конечно, что философия имеет много специфических признаков, но все-таки зафиксировать этот признак именно специфично и фундаментально для философии, — это очень важно. Причем мне кажется, что он является для философии более специфичным, чем для других областей культуры, чем даже для искусства. Конечно, это известно... мысль о том, что античное искусство сохраняет значение до настоящего времени и так далее. Но все-таки согласитесь, что в мире художественной культуры в настоящее время Эсхил, Софокл не занимают того места, какое, скажем, Аристотель и Платон занимают в нашем философском мире. То есть это какое-то принципиально другое качество философии. Не было в сущности, за исключением, может быть, последних так называемых постмодернистских течений, о которых я не могу сейчас так компетентно судить, никаких открытий философии XIX—XX века, которые бы не апеллировали бы к античности, то есть там уже не находили какие-то свои истоки. То есть вот эта мысль, что все-таки философия действительно... плюралистичность — это очень специфический признак. Но при этом я хочу обратить внимание и поддержать Владислава Александровича еще в другой мысли — что плюралистичность философии вовсе не означает, что философия лишена пафоса истины. Я бы еще более усилил — что плюралистичность философии находит свое дополнение и продолжение в стремлении каждой из философских систем не просто к истине, а, если хотите, к абсолютной истине. В этом-то и особенность философских систем. Конечно, не все создавали системы, как Плотин, Гегель, которые как бы отвечали на все вопросы. Но даже те философы, которые не делали этого, тем не менее, в принципиальном смысле исходили из того, что они дают единственно правильный образ мира... единственно правильное понимание тех проблем, которыми они занимаются. И в этом смысле они не оставляют места для других философий. То есть нет таких философий, которые бы видели свое оправдание в том, что они занимаются этой частичной проблемой, а той частичной — другие, а той частичной — третьи. И даже те, которые критикуют философию, в этом смысле как бы занимают такую скептическую позицию, они, тем не менее, и свою позицию отрицания философского догматизма тоже подают таким образом, как если бы она была единственно правильной. И мне кажется, очень важно осознать эту вещь и связь этих двух определений философии, что она, с одной стороны, принципиально плюралистична, но она и может быть принципиально плюралистичной лишь постольку, поскольку она претендует на истину, но в такой абсолютной, наиболее полной выраженности. Спасибо.

Слово предоставляю для заключения Теодору Ильичу.

Ойзерман Т.И. — Я хотел бы сказать по поводу Вашего выступления, что то, что Вы говорите, абсолютно правильно для классических философских систем. Что касается современного постмодернизма — возьмите Батая, Лиотара, Деррида, Делеза — они все за асистемность, то есть они как раз отрицают всякую претензию на полную истину, на абсолютную истину. В этом смысле они являются продолжателями Ницше, скажем. А то, что Вы сказали, характеризует, конечно, всю историю классической философии.

Вплоть до марксизма включительно. И марксизм таков, и гегелевская философия такова. Но не такова философия того же Дерриды, потому что он сам себя отрицает, сам себя ставит под вопрос.

Гусейнов А.А. — Друзья, заканчивая этот вопрос, разрешите еще раз выразить благодарность Теодору Ильичу. Теодор Ильич, спасибо за доклад.